

# ГЕНЕАЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Прошло пять лет, как вышла в свет монография «500 лет на службе России: дворянский род Извековых от вяземских вотчинников до наших дней». Уже давно разошелся весь тираж, и стало привычным ощущение исполненной миссии. Но до сих пор книга имеет резонанс в генеалогических и общественных кругах. Теперь с полной уверенностью можно сказать, что она стала своего рода событием в бурном течении новейшей истории России.

Как было сказано во вступительной статье к книге, наша совместная работа начиналась с обычного, казалось бы, интереса человека к своим корням, своему прошлому. Но, сразу же, после публикации стало ясно, что книга значительно шире, чем просто частное генеалогическое исследование. Да, мы нашли много нового в своей родовой истории, нам удалось проследить собственные корни отныне живущих до времени, сопряженно с царствованием Ивана Грозного, выявить множество ответвлений рода Извековых из глубины веков. В процессе исследования ветвей рода нам встретилось множество ныне живущих потомков Извековых, сумевших определить своих родоначальников, не только из XVI века, но и более поздних столетий. И именно такое следствие нашей публикации сразу же дало нам повод задуматься об общественном звучании книги.

В момент завершения работы, когда писалось – как это всегда бывает «под занавес» – введение к книге, мы уже задумались о том, что «500 лет на службе России» один из структурных элементов социальной памяти, той памяти, которая накапливается и хранится в поколениях, дает основу преемственности поколений, стабильности высших ценностей, лучших семейных традиций. И то, что множество людей, носящих фамилию Извеков, смогли открыть для себя свою же историю, стало своеобразным даром для нас, авторов книги, ибо живая человеческая востребованность книги – действительно настоящее вознаграждение.

За то время, что прошло после публикации, дальнейшие исследования не останавливались. Возникло множество новых открытий, которые тоже носят отнюдь не только частный характер. К примеру, своеобразным генеалогическим событием стало для нас то, что один из потомков древнего дворянского рода Извековых, обосновавшийся в Малоярославском уезде по тем временам Калужской губернии – Карп Извеков – оказалась дедом патриарха Московского и всея Руси Пимена. Его внуку выпала нелегкая миссия – возглавить Патриархат Русской православной Церкви в трудные годы во второй половине XX века. В Бабичевской волости, в селе Кобылино в 1867 году у Карпа Извекова родился сын, будущий отец Сергея Михайловича Извекова. В ситуации, когда доступ к архивным материалам о патриархе Пимене приостановлен на несколько десятков лет, нам, тем не менее, представляется заслуживающей особого внимания воспроизведе-

ние генеалогии гражданина Великой России Сергея Михайловича Извекова, которая стала очередным вкраплением в многочисленные ветви древа социальной памяти нашей Родины.

Для многих книга «500 лет на службе России» стала импульсом и методологией собственного генеалогического поиска. Некоторые представители ветвей рода установили, что их предки обосновались по всей России. Из глубины веков возникли вяземские, смоленские, московские, калужские, орловские, тверские, курские, Санкт-Петербургские и другие ветви. Выяснилось, что многие из тех, кто сохранил фамилию Извековы, например в Калужской губернии, стали представителями сословия священнослужителей. Проповедники православия после окончания Калужских духовных семинарий и училищ направлялись не только на службы в различные епархии, но и на продолжение учебы в духовные академии Санкт-Петербурга, Москвы, Киева. По определению Синода все священники получали назначение в различные приходы, учебные заведения и военные ведомства необъятной России: в центральные губернии, Сибирь, Прибалтику, на Юг страны и даже в Кавказский регион. Некоторые калужские священнослужители Извековы стали настоятелями при московских придворных соборах и церквях Московского Кремля. Теперь их потомки получили возможность испытать чувство сопричастности к своим духовным корням, предкам, служившим сохранению духовных истоков Родины.

За то время, что наша книга вышла в свет, появилось достаточно много публикаций, которые, с одной стороны, новы для понимания такого феномена как социальная память, и, с другой, являются близкими нашему видению данного феномена. Считают, например, что генеалогия позволяет человеку выявить его отношение к миру и самому себе. Генеалогия – это часть нашего сознания, формируемого деятельностью. Когда мы позиционируем место генеалогии в сознании, мы учитываем как индивидуальное, так и общественное сознание. Недаром же о феномене генеалогической культуры говорят как о «диалоге поколений во весь голос», отмечая, что индивидуальное сознание личности через генеалогия выводило на формирование самоидентичности.<sup>16</sup>

Действительно, социальная память, самоидентичность, генеалогия – три неразрывно переплетенных понятия в современной реальности Российского общества. Социальная память, как важнейший элемент культуры вообще, невозможна без преемственности негенетически передаваемых данных, то есть, в частности, без соотнесения личности с историей своей страны. В тоже время «ощущение собственной самости», – что, по мнению представителя психоанализа Э. Эриксона, и есть самоидентичность, или эгоидентичность, – невозможно без соотнесения себя с тем, что создавалось предшествующими поколениями семьи, рода, то есть без соотнесения себя с истоками своего рода. И именно генеалогия – тот прочный и

---

<sup>16</sup> Баикина А.И. Место генеалогии в индивидуальном и общественном сознании // Генеалог. вестн. – 2006. – Вып. 27. – С. 17 – 28.

несокрушимый временем мост, который дает методологию для воссоединения истории страны с историей личности, а воссоединение двух начал и порождает переживание самоидентичности, вдохновенного чувства ощущения собственной самости в ее сопричастности миру.

Начавшийся XXI век унаследовал многое от XX века, и не в последнюю очередь проблему духовного отчуждения, одиночества. Как мы писали во введении к книге, незнание своего прошлого, отсутствие систематизированной информации о своем происхождении и, поэтому, отсутствие возможности передать ее новым поколениям, и приводит человека к отчуждению и одиночеству. Как ответ техногенная цивилизация пытается выставить узко прагматический способ отношения к жизненным реалиям, многочисленные факты такого жизненного кредо выражены сублимированным рекламным слоганом: «лови минуту». Неудивительно, что оборотной «стороной медали» становится подавляемое личностью ощущение самой себя «винтиком» огромного социального механизма, что оборачивается для человека отсутствием ясного смысла и значения бытия. Мир выглядит подобием разноцветных несвязанных картинок, напоминающим мозаичный коллаж. В таком случае человек неизбежно ощущает себя отделенным от какого-то непонятного для него хода вещей, основанного на принципах энтропии, фрагментарности, разорванности. Такими чертами описывается культура и современный тип личности в философской литературе последних десятилетий.

Подобный взгляд на окружающую человека реальность во многом правомерен. Сегодня нет тех единых всеобщих универсальных принципов, посредством которых человек прежде встраивал себя в социальную и культурную жизнь. Современность часто определяют термином «постмодерн», и в качестве основных его характеристик указывают недоверие метанарративам. Метанарратив – то есть «большое повествование» о мире, исчерпывающая его трактовка и объяснение, в котором определена цель и смысл и самого мира, и человека в нем (как это было, например, в Библии или хотя бы в коммунистической идеологии победы мирового пролетариата). В эпоху «постмодерна» нет доверия метанарративам; в современном российском обществе нет даже понятия «единой российской идеи». Но даже если субъективное доверие прежним метанарративам и сохраняется, оно уже не может быть духовным ориентиром, ибо любой метанарратив не дает четких указаний на то, как найти для себя истинность духовного бытия беспрецедентно быстро меняющегося мира, и через это преодолеть свою личностную отчужденность от него.

Человек принадлежит отныне самому себе и поэтому вынужден сам находить в процессе экзистенции смысл и предназначение. С одной стороны, это неизбежный итог истории как индивидуализации. Это то, чего человек добивался и требовал для себя на протяжении всей истории – неприкосновенность внутреннего мира личности, свобода определения жизненного пути, право формулировать свои цели и перспективы жизненного пространства и самовыражения.

С другой стороны, завоеванная свобода ложится тяжелейшим грузом ответственности за ее осуществление, что усиливается переживанием не-



возможности эту ответственность делегировать кому-то другому. Именно невозможность перераспределить ответственность рождает чувство одиночества. И пока еще не готовый к свободе человек всеми силами пытается избавиться от ответственности, ретушируя избавление погоней за благам цивилизации. Но бегство от свободы, как убедительно показал выдающийся мыслитель XX века Э. Фромм, ведет к растворению личности и ее свободы, к замещению духовного бездуховным, к превращению человека в винтик социального механизма.

Человек, которому не на что опереться в реализации свободы, которому трудно принять ответственность, естественным образом «выпадает» из единого хода исторического процесса. История перестает уже являться нашему современнику результатом прогресса становления его человеческой сущности. В наши дни преодолевается то отношение к истории, которое видело в ней обозримое целое. Еще в середине XX века немецкий философ К. Ясперс, сказал о том, что современный человек находится «внутри не завершенной, а лишь возможной, постоянно распадающейся обители исторической целостности». Человек в любые времена обладал историческим сознанием. Поэтому мы можем говорить лишь об измененных формах исторического сознания современного человека в процессе развития общества. Подобной формой исторического сознания сегодня выступает измерение истории посредством отдельно взятой жизни личности.

Противовесов этому факту современных индустриальных обществ не так много. И именно генеалогия есть один из них, именно она предлагает путь обретения самоидентичности взамен внешней идентичности, предустановленной метанарративом, содержащим в себе готовый «образец» личности и, как следствие, несвободу. Благодаря генеалогии, самоощущение собственной жизни человека начинает проецироваться на всю историю своей страны, своего народа. История, как путь развития и становления человеческой сущности, сегодня воспринимается как индивидуальный жизненный путь конкретного человека, его семьи, его рода. Жизнь человека, как и всей природы, многообразна. Но человеческая жизнь, в отличие от существования животных и растений, обладает наличием основных ценностных черт. Среди этих человеческих черт главными являются любовь к родине, дому, своему имени. С самых ранних лет, когда ребенок только вступает в социальную жизнь, он узнает, что в нем есть нечто особенное, чем он отличается от других.

Однажды осознав, что человек имеет присущую только ему фамилию, например – Извеков, он начинает понимать, что у него есть свой путь в жизни, за который предстоит нести ответ. Путь, за который он отвечает как перед собой и перед близкими людьми, так и перед теми, кто передал ему эту особенную дорогу. Имя – это то уникальное явление, которое позволяет человеку не только смотреть в свое неопределенное будущее непосредственно личной жизни, но и определенно знать, что за течением своих прожитых дней была огромная история судеб предков. Переплетение этих судеб позволило возникнуть и состояться когда радостному, когда печальному в прожитых днях многообразного бытия конкретного индивидуально-жизненного пути.

Взгляд человека в будущее всегда сопряжен с надеждой и, часто, с верой. Взгляд в прошлое – это всегда, как правило, благодарность за то, что «я есть» и ответственность за то, каким быть. Человеческая жизнь – это не просто временной промежуток, который определяется рождением и смертью. Прожить жизнь – это значит продолжить свой род, данный тебе с именем, и продолжить его, вбирая лучшие образцы человеческих поступков и мыслей, принадлежащих этому роду. Но для этого нужно знание о бытии «я» и об его историческом становлении. Средством приобретения подобного знания выступает генеалогия. Исследователь – генеалог, в том случае, когда он пишет историю своего рода, выступает в роли посредника между прошлым и будущим, между предками и потомками. Поэтому, во-первых, он как бы освобождается от чувства метафизического одиночества, отдаленности от исторического процесса. А во-вторых, генеалогия это, своего рода, взгляд в будущее.

Взгляд, который обращен из прошлого в будущее, выступает знанием о том, кто есть «я» на самом деле, что останется и передастся потомкам о предках, сохраняясь как память о семье, ветви, роде. Сегодня существует проблема определения значимости генеалогии как самостоятельной науки. Как всякая наука генеалогия должна стремиться сместить критерий научности от субъективного фактора к объективному. Поэтому значимость генеалогической работы определяется не столько личностным фактором исследователя, его индивидуальной заинтересованностью, сколько попыткой вынести на общественный уровень проблему забытых на сегодняшний день основных человеческих ценностей (память о своих предках, историческое осознание своего рода, ответственность за свое имя) и, тем самым, расширить духовно-нравственный потенциал современной жизни.

Генеалогия – это попытка помочь современному одиночке воссоединиться со своей родовой наследственной сущностью через свою, трансформируемую временем, «социальную память». По-разному можно воспринимать термин «социальная память», имеющий ключевое значение в постижении реального состояния общества. Однако в народной практике чаще употребляются несколько иные понятия из этой сферы. А именно, «живая», «действующая» память. Обычно с этими понятиями мы ассоциируем результаты самопознания своих собственных, наших, в прямом смысле слова, родных истоках. В системе начавшейся в стране гуманизации образования и воспитания стремятся возродить у поколения тягу к восстановлению или систематизации собственной истории семьи, преследуя высокие цели – воссоздание единичной ячейки в структуре общей культурной самоидентификации.

Конечно же, знание событий в истории отдельно взятой семьи не может непосредственно повлиять на социальную память, но не в этом и дело. Накопление генеалогических материалов по историям семей создает мощный фундамент для общественного здания памяти общества в целом.

*Баранов С.Ю., Извеков А.И., Извеков И.Н.*